

АРИСТОТЕЛЬ

Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому — влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать. И причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах].

Способностью к чувственным восприятиям животные наделены от природы, а на почве чувственного восприятия у одних не возникает память, а у других возникает. И поэтому животные, обладающие памятью, более сообразительны и более понятливы, нежели те, у которых нет способности помнить; причем сообразительны, но не могут научиться все, кто не в состоянии слышать звуки, как, например, пчела и кое-кто еще из такого рода животных; научиться же способны те, кто помимо памяти обладает еще и слухом.

Другие животные пользуются в своей жизни представлениями и воспоминаниями, а опыту причастны мало; человеческий же род пользуется в своей жизни также искусством и рассуждениями. Появляется опыт у людей благодаря памяти; а именно многие воспоминания об одном и том же предмете приобретают значение одного опыта. И опыт кажется почти одинаковым с наукой и искусством. А наука и искусство возникают у людей через опыт. Ибо опыт создал искусство, как говорит Пол,— и правильно говорит,— а неопытность—случай. Появляется же искусство тогда, когда на основе приобретенных на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы. Так, например, считать, что Каллию при такой-то болезни помогло такое-то средство и оно же помогло Сократу и также в отдельности многим,— это дело опыта; а определить, что это средство при такой-то болезни помогает всем таким-то и таким-то людям одного какого-то склада (например, вялым **или** желчным при сильной лихорадке),—это дело искусства.

В отношении деятельности опыт, по-видимому, ничем не отличается от искусства; мало того, мы видим, что имеющие опыт преуспевают больше, нежели те, кто обладает отвлеченным знанием (*logon echein*), но не имеет опыта. Причина этого в том, что опыт есть знание единичного, а искусство — знание общего, всякое же действие и всякое изготовление относится к единичному: ведь врачующий лечит не человека [вообще], разве лишь привходящим образом, а Каллия или Сократа или кого-то другого из тех, кто носит какое-то имя,— для кого быть человеком есть нечто привходящее ¹². Поэтому если кто обладает отвлеченным знанием, а опыта не имеет и познает общее, но содержащегося в нем единичного не знает, то он часто ошибается в лечении, ибо лечить приходится единичное. Но все же мы полагаем, что знание и понимание относятся больше к искусству, чем к опыту, и считаем владеющих каким-то искусством более мудрыми, чем имеющих опыт, ибо мудрость у каждого больше зависит от знания, и это потому, что первые, знают причину, а вторые нет. В самом деле, имеющие опыт знают "что", но не знают "почему"; владеющие же искусством знают "почему", т. е. знают причину ¹³. Поэтому мы и наставников в каждом деле почитаем больше, полагая, что они больше знают, чем ремесленники, и мудрее их, так как они знают причины того, что создается. (А ремесленники подобны некоторым неодушевленным предметам: хотя они и делают то или другое, но делают это, сами того не зная (как, например, огонь, который жжет); неодушевленные предметы в каждом таком случае действуют в силу своей природы, а ремесленники — по привычке. ¹⁴ Таким образом, наставники более мудры не благодаря умению действовать, а потому, что они обладают отвлеченным знанием и знают причины. Вообще признак знатока — способность научить, а потому мы считаем, что искусство в большей мере знание, нежели опыт, ибо владеющие искусством способны научить, а имеющие опыт не способны.

Далее, ни одно из чувственных восприятий мы не считаем мудростью, хотя они и дают важнейшие знания о единичном, но они ни относительно чего не указывают "почему", например почему огонь горяч, а указывают лишь, что он горяч.

Естественно поэтому, что тот, кто сверх обычных чувственных восприятий первый изобрел какое-то искусство, вызвал у людей удивление не только из-за какой-то пользы его

изобретения, но и как человек мудрый и превосходящий других. А после того как было открыто больше искусств, одни — для удовлетворения необходимых потребностей, другие—для времяпрепровождения, изобретателей последних мы всегда считаем более мудрыми, нежели изобретателей первых, так как их знания были обращены не на получение выгоды. Поэтому, когда все такие искусства были созданы, тогда были приобретены знания не для удовольствия и не для удовлетворения необходимых потребностей, и, прежде всего в тех местностях, где люди имели досуг. Поэтому математические искусства были созданы, прежде всего, в Египте, ибо там было предоставлено жрецам время для досуга.

В "Этике" уже было сказано, в чем разница между искусством, наукой и всем остальным, относящимся к тому же роду ¹⁵; а цель рассуждения — показать теперь, что так называемая мудрость, по общему мнению, занимается первыми причинами и началами. Поэтому, как уже было сказано ранее, человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет [лишь] чувственные восприятия, а владеющий искусством — более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник — более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном (theoretikai) — выше искусств творения (poietikai). Таким образом, ясно, что мудрость есть наука об определенных причинах и началах.

Аристотель. Метафизика/ Сочинения. В 4 т. М., 1975. Т. I. С. 65—67

Что такое наука — если нужно давать точные определения, а не следовать за внешним сходством,— ясно из следующего. Мы все предполагаем, что известное нам по науке не может быть и таким и иным; а о том, что может быть и так и иначе, когда оно вне [нашего] созерцания, мы уже не знаем, существует оно или нет. Таким образом, то, что составляет предмет научного знания (to episteton), существует с необходимостью, а значит, вечно, ибо все существующее с безусловной необходимостью вечно, вечное же не возникает и не уничтожается ¹⁶.

Далее, считается, что всякой науке нас обучают (didakte), а предмет науки—это предмет усвоения (matheton). Как мы утверждали и в "Аналитиках", всякое обучение, исходя из уже познанного, [прибегает] в одном случае к наведению, в другом — к умозаключению, [т. е. силлогизму]. При этом наведение — это [исходный] принцип, и [он ведет] к общему, а силлогизм исходит из общего. Следовательно, существуют принципы, [т. е. посылки], из которых выводится силлогизм и которые не могут быть получены силлогически, а значит, их получают наведением.

Итак, научность (episteme) — это доказывающий, [аподиктический], склад (сюда надо добавить и другие уточнения, данные в "Аналитиках"), ибо человек обладает научным знанием, когда он в каком-то смысле обладает верой и принципы ему известны ¹⁷. Если же [принципы известны ему] не больше вывода, он будет обладать наукой только привходящим образом... (выводы из принципов — эмпирические факты).

6 (VI). Поскольку наука—это представление (hypolepsis) общего и существующего с необходимостью, а доказательство (ta apodeikta) и всякое инознание исходит из принципов, ибо наука следует [рас] суждению (meta logou), постольку принцип предмета научного знания (to episteton) не относится ни [к ведению] науки, ни [тем более] — искусства и рассудительности. Действительно, предмет научного знания — [это нечто] доказываемое (to apodeikton), а [искусство и рассудительность] имеют дело с тем, что может быть и так и иначе. Даже мудрость не для этих первопринципов, потому что мудрецу свойственно в некоторых случаях пользоваться доказательствами. Если же то, благодаря чему мы достигаем истины и никогда не обманываемся относительно вещей, не могущих быть такими и иными или даже могущих, это наука, рассудительность, мудрость и ум и ни одна из трех [способностей] (под тремя я имею в виду рассудительность, науку и мудрость) не может [приниматься в расчет в этом случае], остается (сделать вывод), что для [перво] -принципов существует ум ¹⁸.

7 (VII). Мудрость в искусствах мы признаем за теми, кто безупречно точен в [своем] искусстве; так, например, Фидия мы признаем мудрым камнерезом, а Поликлета — мудрым ваятелем статуй, подразумевая под мудростью, конечно, не что иное, как добродетель, [т. е. совершенство] ¹⁹, искусства. Однако мы уверены, что существуют некие мудрецы в общем смысле, а не в частном и ни в каком другом, как Гомер говорит в "Маргите":

Боги не дали ему землекопа и пахаря мудрость,

Да и другой никакой.*

(* *Маргит* — фольклорный образ "дурака").

Итак, ясно, что мудрость — это **самая точная из наук**. А значит, должно быть так, что мудрец не только **знает [следствия]** из *принципов*, но и обладает истинным [знанием **самих**] **принципов** (*peri tas arkhas aletheyein*).

Мудрость, следовательно, будет умом и наукой, словно бы заглавной наукой о том, что всего ценнее. Было бы нелепо думать, будто либо наука о государстве, либо рассудительность — самая важная [наука], поскольку человек не есть высшее из всего в мире. Далее, если "здоровое" и "благое" для людей и рыб различно, но "белое" и "прямое" всегда одно и то же, то и мудрым все бы признали одно и то же, а "рассудительным" разное. Действительно, рассудительным назовут того, кто отлично разбирается в том или ином деле, (касающемся [его] самого), и предоставят это на его усмотрение. Вот почему даже иных зверей признают "рассудительными", а именно тех, у кого, видимо, есть способность предчувствия того, что касается их собственного существования. Так что ясно, что мудрость и искусство управлять государством не будут тождественны, ибо если скажут, что [умение разбираться] в собственной выгоде есть мудрость, то много окажется мудростей, потому что не существует одного [умения] для [определения] блага всех живых существ совокупно, но для каждого — свое, коль скоро и врачебное искусство тоже не едино для всего существующего.

А если [сказать], что человек лучше **[всех] прочих** живых существ, то это ничего не меняет, **ибо даже человека** много божественнее по природе другие вещи, **взять хотя бы наиболее** зримое — [звезды], из которых состоит **небо (kosmos)**.

Из сказанного, таким образом, ясно, что мудрость — это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных. Вот почему Анаксагора и Фалеев **и им** подобных признают мудрыми, а рассудительными нет, так как видно, что своя собственная польза им неведома, и признают, что знают они [предметы] совершенные, достойные удивления, сложные и божественные, однако бесполезные, потому что человеческое благо они не исследуют.

8. Рассудительность же связана с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение; мы утверждаем, что дело рассудительного — это, прежде всего, разумно принимать решения (*to ey boyleyesthai*), а решения не принимают ни о вещах, которым невозможно быть и такими и иными, ни о тех, что не имеют известной цели, причем эта цель есть благо, осуществимое в поступке. А безусловно способный к разумным решениям (*eyboylos*) тот, кто благодаря расчету (*kata ton logismon*) умеет добиться высшего из осуществимых в поступках блага для человека.

И не только с общим имеет дело рассудительность, но ей следует быть осведомленной в частных [вопросах], потому что она направлена на поступки, а поступок связан с частными [обстоятельствами]. Вот почему некоторые, не будучи знатоками [общих вопросов], в каждом отдельном случае поступают лучше иных знатоков [общих правил] и вообще опыты в других вещах. Так, если, зная, что постное мясо хорошо переваривается и полезно для здоровья, не знать, какое [мясо бывает] постным, здоровья не добиться, и скорее добьется [здоровья] тот, кто знает, что (постное и) полезное для здоровья [мясо] птиц.

Итак, рассудительность направлена на поступки, следовательно, [чтобы быть рассудительным], нужно обладать [знанием] и того и другого [— и частного, и общего] или даже в большей степени [знанием частных вопросов]. Однако и в этом случае имеется своего рода управляющее (*arkhitektonike*) [знание, или искусство, т. е. политика]'. И государственное [искусство], и рассудительность — это один и тот же склад, хотя эти понятия и не тождественны ²¹.

(VIII). Рассудительность в делах государства (*politike phronesis*) [бывает двух видов]: одна как управляющая представляет собою законодательную [науку], другая как имеющая дело с частными [вопросами] носит общее название государственной науки, причем она предполагает поступки и принятие решений, ибо, что решено голосованием [народного собрания] как последняя данность (*to eskhaton*) осуществляется в поступках. Поэтому только об этих людях говорят, что они занимаются государственными делами, так как они действуют подобно

ремесленникам ²² .

Вместе с тем, согласно общему мнению, рассудительностью по преимуществу является та, что связана с самим человеком, причем с одним; она тоже носит общее имя "рассудительность". А из тех [рассудительностей, что направлены не на самого ее обладателя], одна хозяйственная, другая законодательная, третья государственная, причем последняя подразделяется на рассудительность в принятии решений и в судопроизводстве.

9. Итак, знание [блага] для себя будет одним из видов познания ²³ , но он весьма отличается от прочих. И согласно общему мнению, рассудителен знаток собственного блага, который им и занимается; что же до государственных мужей, то они лезут в чужие дела. Потому Еврипид и говорит:

Я рассудительный? да я бы мог без суеты

И вместе с многими причисленный к полку

И долю равную иметь.

Но те, кто лучше, дело **есть** кому везде...*

(* Слова Одиссея из "Филоктета" Еврипида).

Люди ведь преследуют свое собственное благо и уверены, что это и надо делать. Исходя из такого мнения, и пришли [к убеждению], что эти, [занятые своим благом люди], рассудительные, хотя собственное благо, вероятно, не может существовать независимо от хозяйства и устройства государства. Более того, неясно и подлежит рассмотрению, как нужно вести свое собственное хозяйство.

Сказанное ** (** То, что рассудительность имеет дело с частным) подтверждается также и тем, что молодые люди становятся геометрами и математиками и мудрыми в подобных предметах, но, по всей видимости, не бывают рассудительными. Причина этому в том, что рассудительность проявляется в частных случаях, с которыми знакомятся на опыте, а молодой человек не бывает опытен, ибо опытность дается за долгий срок.

Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. В 4т. **М.**, 1983. Т. 4. С. 175, 178— 181

ПРИМЕЧАНИЯ

12 Больной необходимо является человеком, но человек бывает больным лишь акцидентально, приводящим образом, ввиду чего лечение данного больного оказывается сущностным, а в его лице человека вообще — акцидентальным.— 479

13 Искусство отличается от науки тем, что оно направлено не на изучение сущего как такового, а на создание вещей. Искусство появляется тогда, когда на сходные предметы вырабатывается единый общий взгляд, объединяющий многие эмпирические представления, благодаря которым приобретает навык, или опыт, возникающий из часто повторяющихся воспоминаний об одном и том же;

поскольку же содержание этих воспоминаний составляют восприятия единичных предметов, то и сам опыт имеет дело только с единичным. Следует, однако, иметь в виду, что Аристотель не всегда последовательно проводит различие между "наукой" и "искусством".— 479

14 В угловые скобки заключены слова, которые отсутствуют в более ранних рукописях. В квадратных скобках даны слова, отсутствующие в греческом тексте, но необходимые для правильной передачи смысла. В круглых скобках — пояснительные слова и фразы, которые в большинстве случаев заключены в таковые в самом греческом тексте.— 479

15 Под всем остальным, относящимся к тому же роду, Аристотель подразумевает рассудительность, мудрость и ум.— 479

16 Созерцание и научное знание здесь тождественны: объект науки (напр., такой, как математика) существует с абсолютной необходимостью в отличие от изменчивых субъектов.— 480

17 Более полное определение эпистеме дается в *An . Post .* (71в21—22). Характер отсылки предполагает у слушателей хорошее знание "Аналитик", что еще раз свидетельствует о том, что слушатели курса этики — не юноши. Вера здесь не психологическое состояние, но интуитивное понимание посылок доказательства, признающее их истинными, первыми, непосредственными, более известными и предшествующими. Вера опирается на особое чувство, подобное уму.— 480

18 Данная глава об уме соответствует *An . Post .* (100в5—117в15). Эта логическая глава в "Этике" подготавливает трактовку мудрости как соединения науки (аподиктического знания) и ума (интуиции) в гл. 13. Интересно, что к концу гл. 6 искусство выпадает из рассмотрения и речь идет о трех способностях вместо четырех. Потому ли, что мудрость есть добродетель искусства или рассудительность как практический ум, навык включает в себя искусство? — 481

19 Аристотель правильно толкует первоначальное значение слова "софия". У самого же Аристотеля это первая философия, мудрость, которая занимается самым ценным. См. отличие ценимого от хвалимого (Богом, первым Небом) и т. п. Ниже мудрецами называются философы Анаксагор и Фалес. **Это** мудрецы в аристотелевском смысле в отличие от "мудрого" Фидия или Поликлета. Сократ у Платона проводит аналогичное различие софии и фронесис, упоминая этих же философов.— 481

20 Разница между мудростью и рассудительностью очерчена особенно резко:

мудростью все признают одно и то же, потому что ее предметы не касаются животрепещущих человеческих дел.— 481

21 Поскольку общее у Аристотеля ценится выше частного, он и в рассудительности, занятой частным, "с облегчением" находит своего рода управляющее знание, чей предмет — сравнительно общие вещи — государство, политика. Политическая наука, или искусство, и рассудительность есть один и тот же склад (в смысле "навык"), ибо предмет того и другого — изменчивые человеческие дела; однако понятия эти не тождественны, потому что "рассудительность" может быть не только общей, государственной, но и частной, личной.— 482

22 У Аристотеля государственная наука — это и искусство составлять законы и управлять, и практические навыки политика. В обиходном языке в слово "политика" вкладывался только второй смысл, так что получалось, что общее название узурпировано частным значением. *Занимающиеся государственными делами* здесь должностные лица, а не те, кто управляет и создает законы. Частное *решение голосованием* — это *последний* этап обсуждения. Отсюда понятна критика подмены законов частными постановлениями (декретами) народного собрания, которое не имеет законодательных прав.— 482

23 Познание здесь тождественно рассудительности; по мысли Аристотеля, рассудительность, касающаяся самого человека, только один из видов рассудительности. Он настолько отличается от других видов, что большинство ошибочно принимает этот вид за рассудительность в собственном смысле слова.— 483